

Сергей
Меняйников

НАПРОРОЧЬ МНЕ СУДЬБУ

*Из сборника «Из твоего глаза вылупляется кукушка»
Лейпциг: Lychatz Verlag, 2017.*

ПАМЯТИ Е. А. Т.

напророчь мне судьбу, фрау речь;
выдай мне визу, заполни анкету.
я был рождён в розовом восемьдесят первом
(между замёрзшей землёй и известковым небом)
в городе, о котором ничего не знал.
и поэтому ничем не отличался
от остальных жителей ойкумены:
кидал камни в птиц, держал под языком монетку,
стоял на голове, бегал эстафету.
но как я от огромной реки ни гнал, она меня догоняла.
и в карем глазу противоположный берег
в заводском дыму рисовался тем светом.

я вырос в краю гулливерских сапог и беличьих
платиц. кочевал по пространству на ослице.
и солнце обжигало мою голову, как глину.
был голоден, но слишком молод, чтобы у меня за страну
что-то болело, которая сама себя трижды съела,
за её прошлое или настоящее, будущее жевавшее.
ходил вместе со всеми по одним тропам, болел
за компанию гриппом, пил из кружки ржавую водку.
в восемнадцать сменил постельное бельё, шрифт и взору
милые лица. моя память сделалась чёрно-белой сепией.
и хотя я так и не научился молиться... я благодарю
тебя за то, что ты по своему образу и подобию меня сотворила.

ПОЭМА ВОДЫ

I

я шёл на запад, вышел на востоке;
у светофора добрые глаза, и в них
слезится электрический разряд.
в копилку счастья сколько денег ни кидай,
скороговоркой повторяя:
это нам на крепкий чай, на случай,
если кончится кино и мы останемся
с тобой вдвоём, с темнотой наедине,
как первые те. и дух, невидимый,
неуловимый, над нами будет виться
комаром. как притяжение воды
к луне, как лампочки в глазах, мы
будем отражаться в разбитых
зеркалах и созерцать себя извне,
ну то есть плакать.

II

ночь, вошедшая в квартиру сквозь
грязное окно, прячется под утро
в ледяной холодильнике. на кухне
храбрый поэтишка бьёт спящих мух,
бросается в великанов жирными словами:
потому что время скрывается под скорлупой яйца,
потому что люди редко живут больше ста,
потому что натюрморт лица
гниёт недельной щетиной,
потому что, как ни шарь в темноте,
после конца от чёрного кота
остаётся искусственный мех,
от чеширского – смех,
перерезающий пуповину.

III

нашедший подкову видит в пути
добрый знак. потерявший подкову
скачет впопыхах за границу.
банальна – любая власть,
тоталитарна – любая система,
поселившаяся в голове человека.
страх – провалиться в пустоту –
никогда не поймёт прирученная машина.
мышь шуршит, точит файлы
треугольным зубом,

то, что я сейчас себе говорю,
аукнется со дна колодца:
слышишь, как маркс с развевающейся
по ветру бородою из марсианской
пустыни нам шлёт приветы?

IV

открываю бумажную дверь:
сквозняк и римское право. казнить или
миловать, или, или, или. я забыл,
что я есть без тебя, что каждый день – твой,
а мне остались звёздные ночи
и холодная глина, что все реки впадают
в твои глаза, что в поэзии можно всё
и даже чуть-чуть больше, что вселенная
тихо тикает со дня большого взрыва.

V

я хотел уйти из города с крысоловом.
он был честен со мной, рассказал, что
из города уйти нельзя, что город
повсюду, что сами люди и есть города. затем
я встретил трёх философов. первый утверждал,
что наш мир круглый и полый,
как пластмассовый глобус.
второй говорил, что мир плоский и тонкий,
как бумажная карта.
а третий – что там, откуда он родом,
ещё не изобрели ни карт, ни глобусов,
и по этой причине наш мир не создан.

VI

я слышу голоса, когда я иду по улице.
память, заняв верхнюю часть лица,
дёргает за нитку языка, повторяя: ля-ля, ля-ля.
раздетые деревья стоят неподвижно
на голове. остановившись у озера,
спускаю штаны, чтобы измерить воду.
за тридцать лет налило столько дождя,
впору аквариумных рыбок выпускать
на свободу. так, уезжая, видишь в зеркало
заднего вида машины, людей, дома,
то, что осталось позади, но не себя.
ненасытное сердце, как дракон, пьёт
кровь – не в силах остановиться.

СОЛДАТА ХОРОНЯТ С ПОЧЕСТЯМИ

Е. И.

солдата хоронят с почестями
по всем телеканалам.
без автомата, без осколков,
в форме цвета заката.
не слышно ни дождя, ни плача,
не видно ни лиц, ни звёзд.
солдат ложится в могилу,
обняв пустой живот.
он – ключ, не нашедший двери.
он – бог, не зачавший сына.
его сердце становится глиной,
и в нём нет места для мира.

ПЕРЕСЕКАЯ СТРАНУ ВЕТРЯНЫХ МЕЛЬНИЦ

пересекая страну ветряных мельниц,
поезд, как хмель, тянется к солнцу,
цепляется за кирпичи пшеничных полей,
где отрыжка звучит, как слово «воля».
вчерашний день забывается, как
после войны противопехотная мина.
люди прибывают на вокзал
с новостями (самые горячие
уезжают быстрее всего).
кривая горизонта, повторяющая
букву ш. девочка на перроне
кормит собаку апельсином.
сначала темнеет лес, постепенно
поле, напоследок – небо.
всё чернеет. в окне не остаётся
ничего, кроме твоего отражения,
в которое, впрочем, тоже слабо верится.

Я НЕ ЖИВУ В НЬЮ-ЙОРКЕ

я не живу в Нью-Йорке
не считаю убитых уток
моё имя (в два раза длиннее чем у Лорки)
не сворачивает лимузином за угол
вот я протягиваю руки
хочу потрогать этот в канаву брошенный мир
и долго стою на звенящем перекрёстке
не решаясь поднять ключи от чужой квартиры

МЫ ШЛИ ПООДИНОЧКЕ И ГУРЬБОЙ

мы шли поодиночке и гурьбой.
попарно шли, как дети, за руки держась,
не выпуская спин из виду.
шли рядом – мы возвращались из кино,
не отличая ложь от луж.
мы шли за человеком в жёлтом кожаном пальто,
след в след, в колени загоняя мысли.
мы шли. он растворился в осиновой толпе.
сорвался голос – жёлтое пятно
с солнцем слилось.

ДУБ

дуб стоит в лесу, как дом,
как стол, как гроб.
дуб стоит ни жив, ни мёртв,
словно предмет туалета
осени, зимы, весны и лета.
уши его оглохли,
губы его зачерствели.
дуб врос головою в землю
на сотни лет.
дуб разут, раздет,
бездетен.
дуб уже не дерево, ещё не зверь.
дуб стоит, как сто дверей.
он в землю зарывается глубже,
чтобы быть к ней ближе,
чтобы стать с ней одним
целым – единым,
вечным...
чтобы видеть её свет
ещё тысячи лет,
чтобы птицы его не смогли когтями
схватить, вырвать, унести
из леса туда,
откуда возврата нет.

ПУСТЫНЯ

ребёнок плачет, звезда светит.
точит палач, носит ветер.
пастухи пасут, мудрецы бредут.
пейзаж пуст, плюёт верблюд.

местность спит, отец молчит.
(воюет пилат, отпрыск волчицы).
пыль на полу, земля в слезах.
мать в поту: имя – Иешуа.

ЧАСТЬ РЕЧИ: ДОЙЧ

я вошёл не в своё помещение:
здесь мне не у кого спросить разрешения
снять куртку, ботинки, волосы, мясо.
здесь мне не у кого попросить прощения
за банальные слова, за измену мысли.
здесь не меняют серебро на золото.
тем более, лучше молчать дальше:
чем пауза дольше, тем язык чище.

я вошёл не в своё помещение:
здесь мне не у кого узнать время
вещания, посещения, крещения.
видимо, меня подвело моё зрение,
запрограммированное на возвращение,
как сердце на сокращение,
как планета на вращение,
как жизнь на отмщение.

я вошёл не в своё помещение:
здесь мне не у кого остановиться до утра.
но какое это имеет значение...
не стоит понапрасну драть гортань –
качество текста зависит от освещения,
как часть речи – от целого рта.
бумажный кораблик плывёт по течению,
как глаз при чтении.

ПОЛНОЧЬ

поезд стремится, как единица, к нулю.
перечёркивает поле.
если поезд переплавить в пулю,
то он, летя по сумасшедшей траектории,
пробил бы навывлет, как лоб,
любую страну, будь то целый материк
или обезьяний остров.
в начале своего пути
поезд вытягивается в змею.

ползёт от гнезда к гнезду,
проглатывая, как яйцо, город
за городом. набирает скорость.
в какой-то мере каждый поезд
пишет собственную повесть.
и лирическое я, услышавшее ту-ту,
прилипает в панике к окну,
боясь, что поезд завезёт его
в какую-нибудь дыру, где
рельсы закручены в кольца.
так поезд движется
по равнине от горы к морю.
заполняет собой пустоту.
ворует у пространства время.
делит мир на эту сторону и ту.
лирическое я всматривается в надвигающуюся темноту.
по стеклу скребут дождя когти.
машинист, смахнув с плеча звезду,
объявляет: следующая станция – Полночь.

КОНЬ ИМПЕРАТОРА

на форум выходит конь и говорит:
добрый день, я Конь, он же Инцитат-Борзой.
император назначил меня первым гражданином
Рима, сенатором, консулом и, в конце концов,
воплощением всех богов.
под страхом смерти запрещается
называть меня именем, данным мне
при рождении (Порцеллиус-Поросёнок).
в первый день моего обожествления
я выбил копытом следующий указ:
сегодняшний день следует считать
началом новой эры, основанием
первой в истории Империи Лошадиной.
кони освобождаются из рабства,
всадники упраздняются как сословие.
население империи переходит на овёс и воду.
конюшни и пастбища переходят
в моё личное владение,
жеребцам и кобылам разрешается
лягать всех без исключения,
будь то варвар или патриций,
и наконец, скотоложцам объявляется амнистия.
в каждом поселении в кратчайший срок
должны быть воздвигнуты конные статуи,

с уже имеющихся приказываю сбросить всадников.
кто воспротивится сему повелению,
будет подкован и брошен в Рубикон.
текст присяги звучит следующим образом:
я клянусь тянуть свой хомут ради
благополучия и удачи Инцитата-Борзого.

толпа на площади, повторяя за конём присягу,
трясёт мордами и ржёт хором ...
ржут сенаторы и граждане, плебеи и иудеи,
гетеры и гладиаторы, старики и легионеры.
громче всех ржёт сам Гай Цезарь Август Германик,
Великий понтифик, четырежды консул, император,
наделённый властью трибуна четыре раза,
Отец отечества, Калигула-Сапожок.
только рабы молчат. у них сегодня воскресный день.

О ГРАЖДАНАХ И ВАРВАРАХ

солнце стояло в зените, припекало.
граждане, собравшись на площади,
слушали оратора: во вторник придут варвары.
граждане говорили громкими голосами:
мы свободны! наши законы прочнее стали!
наши стены – отвесные скалы!
мы сами себе царя и судью выбираем!
мы отличаем сахар от соли, ад от рая!
солнце клонилось к горизонту,
граждане продолжали: мы граждане,
и тем отличаемся от варваров!
варвары те, кого мы не понимаем!
варвары – скот, их место в сарае!
пусть только сунутся, воры!
в масле их сварим! в ров бросим!
воронам скормим! с землёй смешаем!

солнце погасло, варвары не появлялись.
граждане слали гонцов на край земли,
те ни с чем возвращались.
долго ли, коротко ли, – граждане умерли,
то ли от холеры, то ли от холестерина.
солнце встало. в город ворвались варвары,
никого в домах не нашли, ничего в книгах
не прочли и сложили легенду о варварах,
что в древнем городе обитали.
солнце снова стоит в зените,
граждане на площади ждут событий.

В КАСТРЮЛЕ БУЛЬКАЕТ ВРЕМЯ

в кастрюле булькает время,
в пальцах щёлкает кремень.
пахнет палённым волосом,
слушаю собственный голос.
мне ненавистно истории
эпическое старение –
её писк самки комара
над лысиной Гомера.

ПОСЛЕЖИТИЕ

После того, как меня убили, я поднялся на небо и приземлился на облаке Семь. Мой отец подошёл ко мне и обнял меня. Он налил мне водки. Мы выпили. Я посмотрел на Землю. Она была похожа на одноклеточный организм. Отец спросил меня, как поживают люди и доступны ли им плоды дерева познания. Я ответил, что у людей – как всегда – всё хорошо, и что плоды дерева познания я никогда не видел в свободной продаже. Зато даже зимой есть свежая клубника и бананы. Мы выпили ещё пару рюмок. Стемнело, и отец ушел спать. Я уселся на облаке поудобнее, достал микроскоп и стал разглядывать Землю: грязные бородатые мужчины гнались за другими грязными бородатыми мужчинами. Некоторые из них падали и оставались лежать на Земле.

Сергей Тенятников родился в 1981 году в Красноярске. С 1999 года жил в Германии (Лейпциг), с 2017 года – в Испании (Майорка). В 2011 году окончил Лейпцигский университет по специальностям «политолог», «историк» и «филолог-русист». Пишет стихи и рассказы на русском и немецком языках, занимается переводами и видеопоззией. В 2017 году в издательстве Luchatz Verlag вышел русско-немецкий сборник стихов «Из твоего глаза вылупляется кукушка».

Стихи публиковались в литературных журналах «Белый ворон», «День и ночь», «Журнал ПОэтов», «Интерпоззия», «Крещатик», «Плавучий мост», «Эмигрантская лира» и в антологиях «Прощание с Вавилоном. Поэты русского зарубежья». На немецком стихи публиковались в литературных журналах «Ostragehege», «Rhein» и в антологиях «buterbrod», «Das (hoch-)gelobte Land», «Die Abschaffung des Ponys» и «Schlafende Hunde».

Лауреат VI Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2014» в Льеже (Бельгия) и литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева (2015).

